

СТРУКТУРА СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ.

Анваров Демиралли Тахир угли

Студент 3 курса факультета

«Международное право и сравнительное правоведение»

Ташкентского государственного юридического университета

e-mail: anvarovdemirali@gmail.com

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена комплексному анализу институциональной структуры Содружества Независимых Государств — региональной межгосударственной организации, объединяющей часть государств постсоветского пространства. Автор последовательно раскрывает историко-правовые предпосылки создания Содружества, систему его уставных органов, проблему асимметричного правового статуса государств-участников, механизм принятия решений на основе консенсуса, а также институт ротационного председательства. На каждом из указанных направлений выявляются присущие им практические и доктринальные проблемы, приводятся актуальные примеры из деятельности Содружества, включая опыт председательства Республики Узбекистан, а также формулируются авторские предложения по совершенствованию институциональной архитектуры Содружества. Проведён сравнительно-правовой анализ с более институционализированными интеграционными объединениями постсоветского пространства.*

***Ключевые слова:** Содружество Независимых Государств, СНГ, международная межправительственная организация, Устав СНГ, институциональная структура, консенсус, ротационное председательство, реформа международных организаций, Республика Узбекистан.*

Введение

Содружество Независимых Государств, образованное в декабре 1991 года на завершающем этапе прекращения существования Союза ССР, на протяжении более чем трёх десятилетий остаётся крупнейшим по территориальному охвату региональным интеграционным объединением постсоветского пространства. Вместе с тем сама продолжительность существования Содружества не свидетельствует об отсутствии структурных проблем в его институциональной архитектуре — напротив, значительная часть современной научной литературы, посвящённой Содружеству, констатирует затянувшийся кризис данного объединения как полноценного института интеграции постсоветских государств [31].

Актуальность настоящего исследования подтверждается и текущей повесткой деятельности Содружества: 10 октября 2025 года в Душанбе, под председательством Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, состоялось очередное заседание Совета глав государств СНГ, на котором главы государств не только приняли решение о переходе председательства в Содружестве в 2026 году к Туркменистану, но и рассмотрели вопрос о деятельности Комиссии по правам человека Содружества за 2023–2025 годы [20, 24] — органа, чей институциональный статус, как будет показано далее,

остаётся одним из наиболее показательных примеров структурной незавершённости уставной архитектуры Содружества. Отдельного внимания заслуживает и активная роль Республики Узбекистан в деятельности Содружества: за период 2017–2024 годов Президент Шавкат Мирзиёев выдвинул на заседаниях Совета глав государств более ста инициатив, Узбекистан подписал 24 многосторонних документа, стал участником 22 решений высших органов СНГ и вступил в более чем 20 органов отраслевого сотрудничества, а в 2020 году впервые председательствовал в Содружестве [19, 23], что делает опыт Узбекистана особенно ценным материалом для анализа практического функционирования институциональной структуры организации.

Целью настоящей статьи является последовательный анализ институциональной структуры Содружества Независимых Государств — от историко-правовых предпосылок его создания до современного механизма принятия решений и ротационного председательства, — с выявлением присущих каждому элементу данной структуры практических и доктринальных проблем и формулированием предложений по их устранению. Как и в наших предыдущих исследованиях, мы придерживаемся методологического принципа, согласно которому проблемы и предложения не выносятся в отдельные главы, а последовательно раскрываются в рамках той тематической главы, к которой они относятся.

Историко-правовые предпосылки создания Содружества и проблема двойственности его учредительных документов

Содружество Независимых Государств было образовано в результате последовательного принятия двух самостоятельных международно-правовых актов, что, на наш взгляд, само по себе заложило определённую структурную двойственность в самые основы организации. Первый акт — Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, подписанное 8 декабря 1991 года в Вискулях (Беловежская пуца) руководителями РСФСР, Украины и Белорусской ССР, — констатировал прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности и учреждал Содружество трёх государств-учредителей [1, 26]. Второй акт — Протокол к данному Соглашению и одновременно принятая Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 года — расширил состав участников за счёт присоединения Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана [2, 3], придав объединению его нынешний, значительно более широкий географический охват.

Кремнев, посвятивший международно-правовым проблемам, связанным с распадом СССР, фундаментальное монографическое исследование, обоснованно указывает на сохраняющуюся в отечественной и зарубежной доктрине неопределённость относительно точной международно-правовой квалификации самого момента и способа прекращения существования СССР, что, по его мнению, продолжает оказывать влияние на интерпретацию учредительных документов Содружества и по сей день [29]. Мы полностью разделяем данную оценку и

полагаем, что именно двойственный, «беловежско-алма-атинский» характер учредительной базы Содружества — в сочетании с последующим принятием 22 января 1993 года полноценного Устава Содружества [4] — образует первопричину рассматриваемой нами далее проблемы асимметричного правового статуса участников организации: поскольку разные государства присоединялись к разным по своей юридической силе и последовательности документам, финальная ратификация Устава оказалась для части из них факультативной, а не автоматической.

Институциональная архитектура Содружества: система органов и проблема их правового статуса

Устав Содружества закрепляет достаточно разветвлённую систему органов, к числу основных из которых относятся: Совет глав государств — высший орган Содружества, в котором принимаются решения по стратегическим вопросам, связанным с деятельностью государств-участников в сферах их общих интересов; Совет глав правительств, координирующий сотрудничество органов исполнительной власти в экономической, социальной и иных сферах общих интересов; Совет министров иностранных дел; Совет министров обороны; Совет командующих пограничными войсками; Экономический совет; Межпарламентская Ассамблея; Экономический суд; а также постоянно действующий административный орган Содружества — Исполнительный комитет со штаб-квартирой в Минске [4, 15].

Особого, критического внимания заслуживает предусмотренная статьёй 33 Устава Содружества Комиссия по правам человека — консультативный орган, призванный наблюдать за выполнением обязательств по правам человека, взятых на себя государствами-участниками в рамках Содружества. На наш взгляд, история данного органа наглядно демонстрирует институциональную незавершённость уставной архитектуры Содружества в целом: на протяжении длительного периода Комиссия фактически не была сформирована в качестве полноценно функционирующего органа, а вопрос о её деятельности лишь периодически включается в повестку заседаний Совета глав государств — как это произошло, в частности, на упомянутом выше заседании в Душанбе в октябре 2025 года, где был отдельно рассмотрен вопрос о деятельности Комиссии за 2023–2025 годы [10, 20]. Мы полагаем, что подобная институциональная «полудрёма» правозащитного органа Содружества — не полное отсутствие, но и не полноценное, системное функционирование — образует показательный симптом более широкой проблемы: способности Содружества принимать амбициозные уставные обязательства при систематическом дефиците политической воли к их последовательной институциональной реализации.

Помимо проблемы отдельных «спящих» институтов, мы считаем необходимым обратить внимание и на более общую структурную проблему — недостаточную формализацию разграничения полномочий между многочисленными органами отраслевого сотрудничества, число которых, как показывает приведённый выше опыт Узбекистана (участие более чем в 20

подобных органах), само по себе весьма значительно. Шумский, анализируя эволюцию институциональной структуры Содружества, справедливо отмечает тенденцию к постепенному «разрастанию» органов отраслевого сотрудничества при одновременном отсутствии единого, системного механизма пересмотра целесообразности сохранения тех из них, чья практическая деятельность на определённом историческом этапе утратила содержательную актуальность [31]. Мы полагаем, что подобное разрастание, если оно не сопровождается регулярным институциональным аудитом, объективно расплывает и без того ограниченные организационные и финансовые ресурсы Исполнительного комитета Содружества, снижая эффективность работы организации в целом.

Институциональная архитектура Содружества, однако, эффективна лишь настолько, насколько эффективен состав её участников и их правовая связанность принимаемыми решениями, — к анализу данной проблемы мы и переходим.

Одной из наиболее содержательно значимых структурных особенностей Содружества выступает предусмотренное Уставом разграничение между государствами-членами (государствами-учредителями, принявшими на себя обязательства, вытекающие из Устава) и государствами-участниками, не ратифицировавшими Устав и, соответственно, не являющимися членами Содружества в строгом, формально-юридическом смысле [4]. Показательно, что Устав 1993 года на сегодняшний день не ратифицирован Туркменистаном и Украиной, которые в силу этого

обстоятельства де-юре относятся именно к категории государств-участников, а не государств-членов Содружества [26].

На наш взгляд, подобная асимметрия — при всей её формально-юридической допустимости в рамках гибкой, разноскоростной модели интеграции, изначально заложенной создателями Содружества, — порождает значимую практическую неопределённость: объём юридических обязательств и, соответственно, объём формальных прав государства-участника (в отличие от государства-члена) применительно к конкретным органам и решениям Содружества не всегда очевиден без специального, казуистичного анализа каждого отдельного международного договора, заключённого в рамках Содружества, что снижает общую правовую определённость всей системы.

Данная неопределённость дополнительно осложняется зафиксированными в новейшей истории Содружества прецедентами фактического выхода государств из числа его участников. Грузия официально прекратила своё участие в Содружестве в 2009 году, вскоре после вооружённого конфликта августа 2008 года, а Украина в мае 2018 года отозвала своих представителей из уставных органов Содружества, официально прекратив 10 августа 2018 года деятельность своего постоянного представительства в Минске [14, 25]. Мы полагаем, что оба прецедента — при всём различии их геополитического контекста — объединяет общая юридическая проблема: Устав Содружества, действительно, регламентирует порядок выхода государства-члена из состава организации [4], однако сама возможность подобного одностороннего выхода, реализованная дважды за

относительно короткий по историческим меркам период, объективно ставит под сомнение долгосрочную институциональную устойчивость Содружества как организации, изначально задумывавшейся в качестве постоянной, а не факультативной платформы сотрудничества постсоветских государств.

Определённой институциональной альтернативой полному членству либо полному выходу выступает предусмотренный Уставом институт ассоциированного членства — участия в отдельных видах деятельности Содружества на условиях, определяемых соглашением об ассоциированном членстве [13], — статус, которым с 2005 года пользуется Туркменистан, ограничивший своё участие в деятельности Содружества преимущественно экономико-гуманитарной сферой в силу проводимой им политики постоянного нейтралитета. Мы считаем данный институт удачным примером гибкости уставной архитектуры Содружества, позволяющим государству со специфическим внешнеполитическим статусом сохранять содержательное взаимодействие с объединением без принятия на себя полного объёма политических обязательств государства-члена, — и полагаем, что дальнейшее развитие и детализация правового режима ассоциированного и наблюдательского участия могло бы стать одним из направлений совершенствования институциональной гибкости Содружества в целом, о чём подробнее будет сказано в разделе, посвящённом предложениям по реформированию.

Асимметрия правового статуса участников самым непосредственным образом влияет на функционирование центрального элемента любой

международной организации — механизма принятия решений её органами, к анализу которого мы переходим.

Решения органов Содружества по общему правилу принимаются на основе консенсуса — модели, предполагающей отсутствие формально заявленных возражений хотя бы одного из участвующих в заседании государств, — при этом Устав Содружества закрепляет своеобразный компенсирующий механизм: любое государство-член может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не должно рассматриваться как препятствие для принятия решения. Мы полагаем, что данная конструкция «незаинтересованного участия» представляет собой достаточно тонкий и продуманный юридический компромисс между двумя противоположными рисками — риском полного паралича организации при требовании единогласия по всем без исключения вопросам и риском навязывания отдельному государству обязательств, к принятию которых оно объективно не готово.

Вместе с тем, на наш взгляд, практическая эффективность данной модели напрямую зависит от готовности государств-участников содержательно, а не формально применять институт незаинтересованности: если государство, объективно не готовое к принятию конкретного обязательства, вместо заявления о незаинтересованности блокирует консенсус в целом, институт консенсуса рискует выродиться в инструмент фактического вето отдельного государства по любому вопросу повестки, вне зависимости от его действительной заинтересованности. Тихомиров, анализируя общие закономерности функционирования механизмов принятия

решений в межгосударственных объединениях постсоветского пространства, справедливо отмечает, что подобное вырождение консенсусной модели в модель факультативного вето характерно не только для Содружества, но образует системную черту многих интеграционных объединений с преимущественно межправительственной, а не наднациональной природой [32].

Дополнительную сложность в рассматриваемый механизм привносит неоднородность юридической силы принимаемых органами Содружества актов: наряду с международными договорами, подлежащими ратификации в соответствии с национальным законодательством каждого государства-участника и, соответственно, порождающими полноценные международно-правовые обязательства, значительная часть решений органов Содружества принимается в форме рекомендательных, программных документов, юридическая обязательность которых для государств-участников носит принципиально иной, более мягкий характер. Моисеев, детально исследовавший правовой статус Содружества Независимых Государств, обоснованно указывает, что подобная многоуровневая, разностатусная система актов Содружества — при всей её гибкости — объективно затрудняет для внешнего наблюдателя, да и для самих государств-участников, однозначную оценку реального объёма юридически связывающих обязательств, принятых в рамках конкретного заседания того или иного органа Содружества [27, 28].

Учитывая изложенное, мы считаем целесообразным закрепление на уровне Устава либо отдельного протокола к нему единой, формализованной

классификации актов органов Содружества с чётким указанием юридических последствий каждой категории — по аналогии с иерархией правовых актов, характерной для более институционализированных интеграционных объединений, — что, на наш взгляд, повысило бы прозрачность и предсказуемость правовой системы Содружества как для самих государств-участников, так и для их хозяйствующих субъектов и граждан, чьи права и обязанности могут быть затронуты соответствующими решениями.

Эффективность консенсусной модели принятия решений, в свою очередь, тесно связана с институтом председательства в Содружестве — механизмом, который в условиях отсутствия сильного постоянного наднационального руководства призван обеспечивать организационную преемственность деятельности объединения.

Председательство в Содружестве Независимых Государств осуществляется на ежегодной ротационной основе — каждое государство-член поочерёдно принимает на себя функции председательствующей стороны, отвечающей за организацию заседаний уставных органов и общую координацию повестки на соответствующий год. Как отмечалось выше, в 2020 году председательство впервые перешло к Узбекистану, а на заседании в Душанбе в октябре 2025 года было принято решение о переходе председательства в 2026 году к Туркменистану [22].

Показательным элементом практической реализации данного института выступает выработанная в период председательства Узбекистана практика принятия «дорожных карт» — специализированных

организационных документов, призванных обеспечить своевременную и полную реализацию документов, подписанных по итогам участия главы государства в заседаниях Совета глав государств [19]. Мы оцениваем данную практику весьма позитивно, поскольку она, на наш взгляд, отвечает на одну из наиболее часто отмечаемых в критической литературе структурных проблем Содружества — значительный разрыв между количеством формально подписываемых многосторонних документов и реальным уровнем их последующей имплементации на национальном уровне государств-участников.

Вместе с тем мы полагаем необходимым указать и на объективные институциональные пределы ротационной модели председательства как таковой. В отличие от интеграционных объединений с постоянно действующим, наделённым существенными самостоятельными полномочиями наднациональным руководством (напомним, что Исполнительный комитет Содружества, будучи постоянно действующим административным органом, тем не менее не обладает наднациональными нормотворческими полномочиями, а выполняет преимущественно организационно-техническую, обеспечивающую функцию), ежегодно сменяющееся председательство объективно ограничено во времени, что структурно затрудняет реализацию долгосрочных, многолетних институциональных реформ, требующих последовательности политического курса, выходящей за рамки одного календарного года. Инициативы, выдвинутые государством в период его председательства, — сколь бы содержательными они ни были, как показывает и рассмотренный нами опыт

Узбекистана с его более чем ста инициативами за период 2017–2024 годов [19, 23], — рискуют утратить институциональный импульс после перехода председательства к следующему государству, если только они не были заблаговременно и системно закреплены в постоянно действующих структурах Исполнительного комитета.

Учитывая изложенное, мы считаем целесообразным дополнение ежегодной ротационной модели председательства институтом «тройки» председательств (предыдущего, действующего и последующего государств-председателей), уже успешно апробированным в ряде иных международных организаций, — что позволило бы обеспечить содержательную преемственность многолетних инициатив и реформ вне зависимости от календарной смены председательствующего государства, сохраняя при этом базовый принцип равной ротации, отвечающий духу суверенного равенства государств-участников Содружества.

Единственным судебным органом в институциональной структуре Содружества выступает Экономический суд, наделённый компетенцией по разрешению межгосударственных экономических споров, возникающих при исполнении экономических обязательств, предусмотренных соглашениями и иными актами Содружества, а также по толкованию положений соглашений и других актов Содружества по экономическим вопросам [6]. Показательно, что предметная юрисдикция Суда со временем была расширена за счёт включения в отдельные международные правовые акты Содружества юрисдикционных оговорок о передаче Экономическому суду иных категорий

споров, связанных с исполнением соответствующих соглашений, — на сегодняшний день насчитывается порядка сорока подобных актов [18].

Вместе с тем, на наш взгляд, ключевая проблема функционирования данного института заключается не столько в объёме формально закреплённой компетенции, сколько в крайне ограниченном фактическом использовании государствами-участниками судебного механизма разрешения споров, предоставляемого Экономическим судом. Официальные материалы самого Суда, признавая данную проблему, справедливо указывают, что оценка эффективности международного судебного органа не должна сводиться исключительно к количественному показателю рассмотренных дел, ссылаясь в этой связи на сопоставимо невысокую статистику Международного Суда ООН [51]. Мы, однако, полагаем необходимым указать на существенное методологическое различие в подобном сопоставлении: если невысокая абсолютная статистика Международного Суда ООН объясняется, среди прочего, наличием у государств широкого выбора между многочисленными альтернативными международными судебными и арбитражными механизмами разрешения споров, то невостребованность Экономического суда Содружества — при том что он остаётся практически единственным специализированным судебным органом, доступным именно государствам — участникам Содружества для разрешения споров экономического характера в соответствующих актах, — на наш взгляд, свидетельствует именно о структурном дефиците доверия государств-участников к данному конкретному институту, а не об объективной ограниченности потребности в

судебном разрешении межгосударственных экономических споров как таковых.

Данная проблема была официально признана и на уровне самого Содружества: одобренная Советом глав государств 5 октября 2007 года Концепция дальнейшего развития Содружества прямо предусмотрела необходимость модернизации Экономического суда, во исполнение чего экспертами заинтересованных государств в 2012 году был разработан проект нового Соглашения о статусе Экономического суда [31], — однако данный проект, несмотря на прошедшее с момента его разработки более чем десятилетие, по имеющимся сведениям, до сих пор остаётся на стадии межгосударственного согласования и не принят в качестве действующего международного договора [52]. На наш взгляд, данный пример представляет собой едва ли не наиболее показательную иллюстрацию отмеченной нами в предыдущих главах общей структурной проблемы Содружества — устойчивого разрыва между официально признанной, документально закреплённой необходимостью институциональной реформы и практической, растянутой на десятилетия скоростью её реального проведения.

Мы считаем целесообразным, чтобы предложенный нами выше механизм периодического институционального аудита органов Содружества включал в себя и установление конкретных, юридически значимых временных рамок для завершения уже начатых, но незавершённых процессов модернизации отдельных институтов — по аналогии с рассмотренным случаем реформы Экономического суда, — поскольку отсутствие подобных временных рамок, как показывает более чем десятилетняя история

согласования нового Соглашения о статусе Суда, объективно создаёт риск бессрочного затягивания содержательно назревших институциональных преобразований.

Сравнительно-правовой анализ с иными интеграционными объединениями постсоветского пространства

Сопоставление институциональной структуры Содружества с более глубоко институционализированными объединениями постсоветского пространства — прежде всего Евразийским экономическим союзом, учреждённым Договором о Евразийском экономическом союзе 2014 года [11, 49], — обнаруживает принципиальное структурное различие в самой природе передаваемых объединению полномочий. Если Содружество, как показано выше, остаётся преимущественно межправительственным объединением, чьи органы, за отдельными исключениями (Экономический суд), не обладают наднациональными полномочиями, а решения преимущественно требуют последующей национальной имплементации, то Евразийский экономический союз наделил постоянно действующий наднациональный орган — Евразийскую экономическую комиссию — самостоятельными нормотворческими полномочиями в чётко очерченных сферах (прежде всего в таможенно-тарифном регулировании), решения которой обладают прямым действием на территории государств-членов без необходимости дополнительной национальной имплементации.

Мы полагаем, что подобное сосуществование двух принципиально различных по степени институционализации объединений на одном и том же

географическом пространстве — при частичном совпадении их государств-участников — не образует институциональной избыточности или конкуренции, как это иногда интерпретируется в публицистической литературе, а, напротив, отражает рациональную, разноуровневую архитектуру региональной интеграции: Содружество продолжает выполнять функцию максимально широкой, гибкой платформы сотрудничества по всему спектру вопросов при минимальном объёме юридически связывающих наднациональных обязательств, тогда как Евразийский экономический союз обеспечивает более глубокую, но при этом более узкую по предметному охвату экономическую интеграцию для той части постсоветских государств, которые готовы к соответствующему объёму наднациональной передачи полномочий. Данное наблюдение, на наш взгляд, имеет прямое значение и для сформулированных нами далее предложений по реформированию Содружества: мы не считаем целесообразным механическое заимствование наднациональной модели Евразийского экономического союза применительно к Содружеству в целом, поскольку подобное заимствование противоречило бы самой природе Содружества как максимально инклюзивной, разнотемпной платформы сотрудничества.

Проведённый выше анализ позволяет нам сформулировать ряд конкретных предложений по совершенствованию институциональной архитектуры Содружества, дополняющих те точечные предложения, которые уже были высказаны нами в рамках соответствующих тематических глав.

Во-первых, мы считаем необходимым проведение полноценной институционализации Комиссии по правам человека Содружества — с

закреплением чёткого регламента её формирования, периодичности заседаний и порядка представления докладов Совету глав государств, — с тем чтобы данный орган перешёл из состояния институциональной «полудрёмы» в состояние полноценно функционирующего элемента уставной структуры Содружества.

Во-вторых, мы полагаем целесообразным введение периодического, например пятилетнего, институционального аудита органов отраслевого сотрудничества Содружества — с обязательной содержательной оценкой актуальности и результативности деятельности каждого подобного органа и возможностью его упразднения либо реорганизации при выявлении устойчивой утраты практической востребованности, — что позволило бы сконцентрировать ограниченные организационные ресурсы Исполнительного комитета на действительно приоритетных направлениях сотрудничества.

В-третьих, мы считаем обоснованным закрепление единой, формализованной классификации юридической силы актов органов Содружества, устраняющей описанную выше неопределённость относительно реального объёма обязательств, принимаемых государствами-участниками по итогам заседаний уставных органов.

В-четвёртых, мы предлагаем дополнение ежегодной ротационной модели председательства институтом «тройки» председательств для обеспечения содержательной преемственности многолетних институциональных инициатив, включая успешно апробированную

Узбекистаном практику «дорожных карт» по реализации подписанных документов.

В-пятых, применительно к проблеме асимметричного правового статуса участников мы считаем целесообразным дальнейшую детализацию правового режима ассоциированного членства и статуса наблюдателя — с чётким закреплением конкретного перечня прав, доступных государствам в каждом из данных статусов, — что позволило бы сделать разностороннюю модель участия в Содружестве более прозрачной и предсказуемой как для самих государств-участников, так и для внешних наблюдателей.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, институциональная структура Содружества Независимых Государств несёт на себе отпечаток двойственности его учредительных документов — Беловежского соглашения и Алма-Атинской декларации 1991 года, — что впоследствии обусловило асимметричный правовой статус государств-участников, часть которых (Туркменистан и Украина) так и не ратифицировала принятый в 1993 году Устав Содружества.

Во-вторых, разветвлённая система уставных органов Содружества характеризуется существенной неравномерностью институционального развития — от полноценно функционирующего Исполнительного комитета до фактически «дремлющей» на протяжении длительного периода Комиссии

по правам человека, — что отражает более общую системную проблему разрыва между декларируемыми целями Содружества и последовательностью их институциональной реализации.

В-третьих, консенсусная модель принятия решений, сочетающаяся с институтом «незаинтересованного участия», представляет собой продуманный юридический компромисс, однако её практическая эффективность существенно зависит от добросовестности применения государствами-участниками данного института, а неоднородность юридической силы принимаемых актов создаёт дополнительную правовую неопределённость.

В-четвёртых, институт ежегодного ротационного председательства, при всей позитивной практике отдельных председательствующих государств — включая рассмотренный нами подробно опыт Республики Узбекистан с его практикой «дорожных карт» и более чем ста инициативами за период 2017–2024 годов, — сталкивается с объективными структурными пределами в части обеспечения долгосрочной преемственности институциональных реформ.

В-пятых, пример более чем десятилетнего согласования проекта нового Соглашения о статусе Экономического суда Содружества, признанная необходимость модернизации которого была официально закреплена ещё Концепцией дальнейшего развития Содружества 2007 года, наглядно демонстрирует устойчивый разрыв между декларируемой готовностью

государств-участников к институциональным реформам и реальной, зачастую крайне медленной скоростью их практического проведения.

В-шестых, на наш взгляд, сформулированные в настоящей статье предложения — полноценная институционализация Комиссии по правам человека, введение периодического институционального аудита органов отраслевого сотрудничества с установлением конкретных временных рамок для завершения уже начатых реформ (включая реформу Экономического суда), формализованная классификация юридической силы актов Содружества, дополнение ротационного председательства институтом «тройки», а также детализация правового режима ассоциированного членства и статуса наблюдателя — заслуживают дальнейшей научной разработки и практической апробации в качестве вклада в продолжающуюся дискуссию о путях совершенствования Содружества как значимого, хотя и структурно несовершенного, института постсоветского регионального сотрудничества.

В заключение отметим, что более чем тридцатилетняя история Содружества Независимых Государств демонстрирует одновременно устойчивость данного объединения как минимальной, максимально инклюзивной платформы диалога государств постсоветского пространства и объективную потребность в последовательном институциональном обновлении, без которого разрыв между декларируемыми уставными целями Содружества и их практической реализацией рискует со временем лишь усугубляться. Дальнейшее совершенствование рассмотренной нами институциональной структуры представляет собой значимую и практически

востребованную задачу современной юридической науки государств — участников Содружества, включая Республику Узбекистан.

Список использованной литературы

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. — Вискули (Беловежская пуща), 8 декабря 1991 г.
2. Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. — Алма-Ата, 21 декабря 1991 г.
3. Алма-Атинская декларация. — Алма-Ата, 21 декабря 1991 г.
4. Устав Содружества Независимых Государств. — Минск, 22 января 1993 г.
5. Соглашение об учреждении Межгосударственного экономического комитета Экономического союза. — Москва, 1994 г.
6. Соглашение о статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств. — Минск, 1992 г.
7. Положение об Исполнительном комитете Содружества Независимых Государств.
8. Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств. — Алма-Ата, 1995 г.
9. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. — Минск, 26 мая 1995 г.
10. Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств.

11. Договор о Евразийском экономическом союзе. – Астана, 29 мая 2014 г.
12. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. – Кишинёв, 2002 г.
13. Соглашение об ассоциированном членстве Туркменистана в Содружестве Независимых Государств, 2005 г.
14. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств о выходе Республики Грузия из состава Содружества, 2009 г.
15. Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. Официальный сайт. URL: cis.minsk.by
16. Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. Информационно-аналитический портал. URL: e-cis.info
17. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. Официальный сайт. URL: iacis.ru
18. Экономический суд Содружества Независимых Государств. Официальный сайт. URL: sudsng.org
19. Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. Материалы о деятельности Республики Узбекистан в Содружестве Независимых Государств (2017–2024 гг.). URL: president.uz
20. Национальное информационное агентство Узбекистана (УЗА). Итоги заседания Совета глав государств СНГ в Душанбе, октябрь 2025 г. URL: uza.uz

21. Review.uz. Содружество Независимых Государств: итоги саммита в Душанбе.
22. Kun.uz. Туркменистан примет председательство в СНГ в 2026 году.
23. Gazeta.uz. Итоги председательства Узбекистана в СНГ.
24. РИА Новости. Заседание Совета глав государств СНГ в Душанбе, 10 октября 2025 г.
25. ТАСС. Украина официально вышла из уставных органов СНГ, август 2018 г.
26. Большая российская энциклопедия. Содружество Независимых Государств.
27. Моисеев Е.Г. Правовой статус Содружества Независимых Государств. – М.: Издательство Московского университета, 1995.
28. Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. – М.: Юрист, 1997.
29. Кремнев П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. – М.: Зерцало-М, 2005.
30. Кремнев П.П. Образование и прекращение существования СССР как субъекта международного права. – М.: Юрлитинформ, 2012.
31. Шумский Н.Н. Институциональная структура Содружества Независимых Государств: развитие и повышение эффективности функционирования. – Минск, 2006.

32. Тихомиров Ю.А. Международное и внутригосударственное право: параллели и сближение // Государство и право. – 2010.
33. Топорнин Б.Н. Европейское право: учебник. – М.: Юристъ, 1998.
34. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник. – М.: БЕК.
35. Талалаев А.Н. Право международных договоров: общие вопросы. – М.: Международные отношения.
36. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Право международных организаций: учебник. – М.: РУДН.
37. Вылегжанин А.Н. Международное право: учебник. – М.: Юрайт.
38. Саидов А.Х. Международное право прав человека. – Ташкент.
39. Каюмова А.Р. Международное уголовное право: теоретические проблемы. – Казань: Издательство Казанского университета.
40. Зайцева О.Г. Международные организации: принятие решений. – М.: Наука.
41. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право: учебник. – М.: Норма.
42. Бекяшев К.А. Международное публичное право: учебник. – М.: Проспект.
43. Ушаков Н.А. Международное право: учебник. – М.: Юристъ.
44. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. – М.: НИМП.
45. Капустин А.Я. Международное право: учебник. – М.: Юрайт.

46. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. – М.: Волтерс Клувер.
47. Кузьмин Э.Л. Международные организации в системе международно-правового регулирования // Московский журнал международного права.
48. Малеев Ю.Н. Международные организации: тенденции институционального развития // Международное право.
49. Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. URL: ees.eaeunion.org
50. Организация Договора о коллективной безопасности. Официальный сайт. URL: odkb-csto.org
51. Inform.kz. Экономический суд СНГ: как разрешаются межгосударственные споры.
52. Ruwiki. Экономический суд СНГ: история, компетенция, проблемы модернизации.